

лятивной тактики и приема и составляем классификацию манипулятивных тактик и выражающих их приемов, которые используются в рекламных объявлениях местных газет.

© Е.Е. Прощин
Нижний Новгород

ЛИРИКА «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»: ПРОБЛЕМА ЖАНРА

Представляется бесспорным тот факт, что функции традиционных жанров в «серебряном веке» в известной мере начинают выполнять специфические образования лирического цикла и «книги стихов». Тотальная циклизация лирики русских символистов – квинтэссенция длительного процесса, происходившего в отечественной поэзии едва ли не большую часть XIX века.

Произведение постепенно перестает рассматриваться как некоторая замкнутая жанровая монада, связанная с другими текстами лишь общностью жанра. Напротив, оно вступает в очень сложные, эмоционально-смысловые отношения с другими произведениями, создавая с ними некое концептуальное единство. Складывается лирический цикл в его современном понимании, который представляет собой «структурно-мировоззренческую целостность, суть которой заключается в тяготении к весьма обобщенным представлениям о мире и человеке в нем»¹.

Наряду с лирическим циклом возникает более крупное метажанровое образование «книги стихов». В «книге стихов» решается задача, сходная с задачей лирического цикла, – поэтическое познание мира; в ней наличествует возможность «воплотить в системе стихотворений целостность авторского мирозерцания»². Качественное же отличие «книги стихов» от лирического цикла заключается в том, что последний имеет только одну лирическую «тему», устанавливает отношение только к одной стороне бытия, хотя такое отношение, конечно же, может быть сколь угодно глубоким. «Книга стихов» создает своеобразную модель мира, которая складывается из взаимопересечения и умножения смыслов, образных переключек отдельных лирических циклов и просто стихотворений, входящих в состав «книги стихов».

Таким образом, необычайную важность приобретает композиция «книги стихов». Само расположение стихотворений служит задаче моделирования вышеупомянутых отношений, и любая их перестановка местами тем самым приводит к разрушению авторской идеи, так как познавательный пафос «книги стихов» направлен на решение обобщающей проблемы, и, соответственно, каждое стихотворение – определенный «этап» этого решения.

Связи между отдельными стихотворениями в структуре лирического цикла и «книги стихов» не чисто логические, причинно-следственные. В этом случае стихотворение потеряло бы свою эстетическую самостоя-

270

тельность, превратившись в главу лирической поэмы. А в указанных выше образованиях произведения связаны скорее по музыкальному принципу, создают общее интонационное поле.

Однако если для поэтов XIX века была характерна лишь тенденция циклизации лирики, то для русских символистов эта тенденция превращается в основополагающий принцип всего творчества. Русские символисты декларируют, что их направление ни в коем случае не должно решать чисто эстетические задачи, они говорят о телеологической направленности символизма, превращают его в миропонимание (А. Белый), объяснительную систему, способную обуздать мировоззренческий хаос элохи. Искусство объявляется вообще высшей формой познания, способной постичь глубинные основы бытия, которые невозможно осознать чисто рационалистическими методами.

С этой особенностью самосознания символизма генетически связан расцвет лирического цикла и «книги стихов». Эти образования становятся основополагающими формами поэтического мышления. Стихотворение и даже отдельная лирическая эмоция обязательно включаются в контекст всего творчества. Символисты бесконечно погружаются в глубины образа с целью постижения Абсолюта, установления Всеединства, связующего дискретные проявления мира. Такая задача, соответственно, требует крупных жанровых форм, она не может быть решена в пределах одного лирического произведения. Отсюда не удивительны настойчивые просьбы символистов рассматривать их стихотворения в обязательном контексте всего творчества. Причем творчество неразрывно связывается с самой жизнью поэта, события которой начинают приобретать статус эстетического факта и становятся наравне с художественным произведением. Однако символистское житетворчество явно отмечено утопическим характером самой идеи, и все попытки символистов декларативно осуществлять в собственной судьбе свои теории приводили к жестоким жизненным драмам. Модернистский индивидуализм неизбежно приводит к солипсизму сознания. Подобного рода процессы, в конце концов, приводят к отказу от постижения истины. Процесс отчуждения личности обрекает поэта на малые жанровые формы, и снять такое противоречие оказываются способными лирический цикл и «книга стихов» с их задачей постижения мира, моделирования отношений между личностью и действительностью.

На первый взгляд представляется едва ли не очевидным, что если все внимание сосредоточивается на контекстуальном прочтении отдельных стихотворений и на целостном облике лирического субъекта вообще, то теряет актуальность проблема определения жанровой природы конкретных произведений. Однако, по нашему мнению, подобная постановка вопроса все-таки представляется односторонней.

Во-первых, отдельное стихотворение в составе лирического цикла и «книги стихов» ни в коем случае не теряет своей самостоятельности.

Другое дело, что при неучитывании контекста ощутимо теряется его связь с другими текстами, становится невозможным определение его значения и места в творчестве поэта. Но при всем этом стихотворение сохраняет свою законченную эстетическую целостность, а значит, может быть поставлен вопрос о генезисе его элементов, об общем и индивидуальном, традиционном и новаторском, поэтому правомерен вопрос и о его жанровой природе.

Во-вторых, вопрос о роли жанровой традиции в лирике русских символистов не будет столь эфемерен, если мы вспомним об отношении самих символистов к литературной традиции. И окажется, что русский символизм никогда не находился на позициях тотальной негации традиционных литературных форм. «Символисты рассматривали литературную традицию в качестве многоступенчатого приближения к их собственному искусству»³. Поэтому символизм осмыслял себя не уникальным и не противоположным накопленному эстетическому опыту, а вершиной развития историко-литературного процесса. Творчество русских символистов вырастает из богатой культурной «почвы», для их поэзии характерны многочисленные реминисценции из подчас очень далеко отстоящих от символизма во временном плане литературных эпох. Символистское слово в известном смысле диалогично, открыто предшествующему литературному опыту и находится с ним в живом контакте. Литературный опыт предшествующих эпох оценивается как родственный, но рассматривается в качестве ряда «ступеней», ведущих к вершинам символистского миропостижения.

Стоит заметить, что многие символисты вырастают в атмосфере поклонения русской поэзии XIX века, и это, конечно же, отзывается в их творчестве. Общеизвестно увлечение романтической поэзией в семье Блока, этот поэт вообще знакомится с образцами модернистской поэзии только на первом курсе университета. Валерий Брюсов знакомится с символистской поэзией в конце 1892 года, в 19 лет, написав к тому времени огромное количество стихов.

Однако жанровый подход к лирике «серебряного века» сталкивается с известными сложностями. К началу XX века все больше усиливается тенденция отказа от четкого обозначения жанровой природы лирических стихотворений. Но все же нельзя однозначно утверждать, что опыт традиционных жанров оказывается невостребованным в это время. «Культурные и литературные традиции (в том числе и древнейшие) сохраняются и живут не в индивидуальной субъективной памяти отдельного человека и не в какой-то коллективной «психике», но в объективных формах самой культуры... и в этом смысле ни межкультурны и межиндивидуальны... отсюда они и приходят в произведения литературы, иногда почти вовсе минуя субъективную индивидуальную память творцов».⁴ То есть традиции могут использоваться как сознательно, когда есть четкая установка автора, но могут реализовы-

ваться и бессознательно. Литературное развитие – очень сложный процесс, невозможный без взаимодействия старых и новых форм. Новизна художественной формы становится ощутимой только внутри старой системы, а не вне ее – только на фоне традиционных элементов. «Чужое слово», знак эстетической памяти, создает «тот необходимый фон, в проекции на который текст может сделать ощутимым утверждаемый им новый художественный смысл»⁵.

Эти факторы дают основания говорить о том, что изучение жанровой природы стихотворений русских символистов вопрос не праздный – оно может не просто более отчетливо выявить влияние поэтической традиции, но и осмыслить саму эволюцию русской поэзии конца XIX – начала XX века, выяснить роль традиционных эстетических регуляторов в модернистской лирике.

Примечания

¹ Дарвин М.Н. Художественность лирического цикла // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики. Кемерово, 1986. С.44.

² Фоменко И.В. О принципах композиции лирических циклов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986, Т.45, № 2. С.130.

³ Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977. С.32.

⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С.397.

⁵ Смирнов И.П. Указ. соч. С.27.

© Пит Ван Пуке
Гент, Бельгия

«РВАЧ» СВОЕГО ВРЕМЕНИ (И.Г.ЭРЕНБУРГ). О ФИЗИОЛОГИИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВРЕМЕН

Интерпретируя или реинтерпретируя литературное наследство, мы предпочитаем обращаться к той тематике, которая основывается на опыте прошлых поколений и помогает лучше разобраться в современности. Поскольку наши настоящие, «постреволюционные» времена в России в каком-то смысле являются отражением НЭПа 1920-х годов, то нам особенно интересно в данный момент поближе рассмотреть творчество таких писателей, как И.Г. Эренбург, Л.М. Леонов, К.А. Федин и др., которые в те годы уже пытались «вживаться» не только в характер быстро меняющегося общества, но и в психику представителей новой породы людей – «рвачей» и «воров» 1920-х годов.

Роман «Рвач» был написан Ильей Эренбургом в конце 1924 года после первой за три года поездки автора в свою родную страну. Всегда живо интересуясь всякими общественными переменами, «вечный бунтарь» Эренбург с надеждой отправился в начале 1924 года из Германии в Россию (ставшую к тому времени частью Советского Союза), чтобы